

Отменены концерты Дмитрия Хворостовского

Все слишком закономерно, чтобы расценивать произошедшее как частный конфуз выдающегося музыканта

В программе первого отделения гала-концерта Дмитрия Хворостовского в Мариинке-3 значились сцены из «Демона» Антона Рубинштейна. Для затравки Валерий Гергиев и мариинцы отождели первые страницы оперы и принялись ждать виновника гала. Ждать пришлось долго. В могильной тишине открылась боковая дверь, маэстро бросил в нее недоуменный взгляд и ретировался за сцену. Публика почувствовала недоброе. Через несколько минут Гергиев вернулся и сообщил, что Дмитрий Хворостовский плохо себя чувствует. В партере с облегчением вздохнули: обычное звездное кокетство перестраховки ради. И тут появился сам певец — бледный, осунувшийся, без тени победоносной стати и пресловутой харизмы на лице.

Хворостовский «спел» первую из трех обещанных арий Демона: хрипя, сипя и корчась всем телом в безнадежной попытке выдавить из себя хоть одну подобающе звучащую ноту. Ужаснул страшноватой улыбкой исполнителя смертельного номера. Перед кульминационной верхней нотой («*И будешь ты царицей ми-и-ра*») шумно набрал полную грудь воздуха. Взял верх со скрипом. Опустошенно вздохнул. Ухмыльнулся — уж совсем

душераздирающе. Под скомканные овации произнес: «Извините, но петь я больше сегодня не буду». На этом выступление Хворостовского закончилось. Наутро был отменен концерт в Москве на фестивале «Черешневый лес», назначенный на 18 июня.

Случись подобное с любым другим гастролером, о досадном эксцессе легко можно было бы забыть. В смысле — с кем не бывает. Вокалисты вообще тонкие натуры. Оранжевые растения. А тут еще фирменный невский климат и холодное лето. Можно, конечно, погоревать, что плезир обломался, и пожелать певцу скорейшего, но не более того. На сей раз отмахнуться невозможно. Уж слишком все символично и закономерно, чтобы расценивать произошедшее как частный конфуз выдающегося музыканта.

Все потому, что Хворостовский — тот редкий певец, который для России больше чем певец. И дело тут, конечно, не столько в неслыханном голосе. Ну, да, абсолютный баритоновый эталон — он нам поет, чего же боле. Но много ли у нас сегодня артистов (не только в опере, по определению страшно далекой от народа), которые значили бы для страны нечто большее, чем просто состоявшиеся профи? Хворостовский, безусловно, из их числа — сначала воплощенная мужественность, а уж потом только вокалист. И что бы он ни пел, Онегина ли, Фигаро ли, Алеко, его главная роль — гендерная. В эпоху всеобщей метросексуальности (с которой, кстати, в начале 1990-х заигрывал и сам Хворостовский) рано поседевший, но ослепительно моложавый 46-летний певец выглядит эталоном маскулинности всероссийского масштаба.

Хворостовский уже давно обещает взяться за главную русскую мужскую партию, «Бориса Годунова», коронку Федора Шаляпина. Типологически Хворостовский его прямой преемник — в том же смысле, в каком Николай Басков наследует Лемешеву с Козловским, первым и единственным героям советского оперного шоу-бизнеса. В шумном успехе Баскова виноваты прочные традиции мирового

вокального *entertainment* — колоссальная популярность Хворостовского имеет отчетливо выраженную сакральную природу.

Он не звезда, а национальный герой. Его концерты в залах-тысячниках, традиционно завершаемые молитвенной русской народной «Ноченькой», с каждым годом все больше походят на ритуал. Под развесистой микрофонной клюквой никто особенно и не пытается расслышать сам голос: главное, чтобы желающих причаститься вмещалось побольше. Отечественный оперный процесс, лишивший Хворостовского возможности приезжать не на концерты, а на спектакли, и по-прежнему разделяющий Россию и остальной мир информационный вакуум довершили процесс превращения певца в икону.

Но всё это — лишь на одной шестой суши. За границей Буга Хворостовский лишь один из многих фигурантов оперной элиты. Возникнув на горизонте в конце 1980-х, на пике волны перестроечного интереса к русской культуре, он сделал все, чтобы ассимилироваться и стать гражданином мира. Удалось. На лучших западных сценах он поет сегодня исключительно оперную классику. В России его любят главным образом как душеприказчика священного репертуара военных песен.

Рано или поздно эта трагическая саморазорванность должна была где-то сдетонировать. О многом говорил уже выбор программы для нынешних столичных выступлений: мятущийся между небом и землей Демон, мучительно выбирающий между личным счастьем и гражданским долгом Симон Бокканегра. Последние карьерные шаги Хворостовского свидетельствуют об очевидной социальной и художественной дезориентации. Так бывает, когда часто приходится менять далекие часовые (а в случае Хворостовского — еще и ментальные) пояса. Вдобавок ко всему — то ли возрастные, то ли психологические проблемы с голосом. Недавний кроссовер-проект с Игорем Крутым — заведомо провальная, с точки зрения имиджа, попытка сыграть по правилам западной оперы в России. Анне Софи фон Оттер дозволительно перепевать песни *ABBA*, а Лучано Паваротти — выступать с Фредди Меркьюри. Русской вокальной иконе якшаться с шоу-бизнесом негоже.

Показательно, что срыв наступил на первом серьезном оперном ангажементе Хворостовского в России за долгие годы. Не в компании профессионально полупригодного «Камерного оркестра России» Константина Орбеляна, а с лучшим оркестром и под управлением лучшего дирижера страны. Нужно очень постараться, чтобы забыть ту единственную верхнюю ноту, которую Хворостовский взял в первой арии Демона в минувший понедельник в Мариинке-3. Это был звук лопнувшей струны из чеховского «Вишневого сада», замирающая и печальная квинтэссенция лопнувших надежд.